

Владимир Каткевич

Код Артура Анатра

Главы из романа

План конверсии под угрозой

В просторном кабинете директора авиапредприятия начальники цехов сидят в теплых армейских куртках, – не топят. На полках макеты транспортных самолетов. За окном в заводском дворе бьют Артура Анатра, припорошенный снегом. Пока руководители подразделений обреченно ждут директорской «накачки», генеральный хмуро рассматривает последнюю подарочную модель.

– Я вам уже сообщал на аппаратке, что с сувенирной продукцией мы почти уложились в сроки, – подытоживает директор, – а вот с профильной – полный завал. Посмотрите, какое на календаре число.

Присутствующие дисциплинированно смотрят на фирменный авиационный календарь-гармошку. Календарь висит рядом с фотографией, где директор в форме генерал-майора.

– Так какое число? Я вас спрашиваю, товарищ начальник цеха опытного производства.

– С утра было двадцать четвертое декабря, Цезарь Трояныч.

– Так вот, кровь из носа, но к тридцать первому вы должны отгрузить на платформы пять комплектов покрывочно-красильных-грунтово-рых агрегатов для кожи. Иначе провалим еще и программу конверсии.

– Это нереально.

– Тогда вы уже не начальник цеха.

– А вы не маршал Жуков, товарищ генерал-лейтенант! Хватит нас кошмарить! И так за спасибо работаем, считай полгода зарплаты не видели. Принуждаете выпускать брак.

– Наши достижения в конверсии ощущаются на уровне жизни, – возражают с места.

- Идиотизм! – ширпотребщик хохочет.
  - Продукция ширпотреба отчасти сыроватая, но мы доведем ее до ума, – генеральный хмурится.
  - Если будете рвать удила, то не доведете, – распаляется ширпотребщик. – Это не объявление правды, а частичное ее предъявление!
  - Покиньте кабинет!
- Генеральный выдерживает паузу. Ширпортребщик выходит, но возвращается и на прощанье язвит:
- Хороших спектаклей вам и наивной публики!
- Генеральный разводит руками и наводит порядок в умах:
- Тот заблуждается, кто считает, что государственный план по выпуску народохозяйственных товаров – пустая забава. Сейчас даже «Южмаш» вынужден выпускать газонокосилки. Да, предприятие лихорадят безобразия, которые зачастую обозначают экономическими трудностями. Но ведь экономических легкостей не бывает...
  - Просто очень досадно, Цезарь Трояныч, что стопорится выпуск основной продукции Л-440, – говорит Самсон Нилыч, главный инженер. – Да и конструкторы профанируют.
  - Мы пожинаем горькие плоды парада суверенитетов.
  - Я помню, Цезарь, с какими адскими трудностями в 41-м достигалось обратное, когда макаронная фабрика в эвакуации под Омском освоила выпуск патронов. И ты помнишь.

Расконвоированный Самсон

У свежевырытого котлована, большой черной дыры среди заснеженного пространства, ежится в куцей фуфайке молодой руководитель, в котором с трудом угадывается нынешний гендиректор. Ответственный товарищ в кожаном пальто ставит ему на вид, сухо кашляя:

- Цезарь, имей в виду, если к тридцать первому декабря макаронная линия, у которой неспроста проходные типоразмеры соответствуют калибру винтовочного патрона, не начнет выпуск патронов, то ты уже не директор фабрики!
- На голом месте же...

– Дадим тебе в помощь расконвоированных спецов из «шарашки». Чтоб искупить вину, инженера горы свернут. Вон они.

В молодом похожем на жердь очкарике с трудом можно узнать Самсона Нилыча.

Цезарь знакомится с Самсоном, показывает эскизы, – проекта нет.

– Ошибаться нет времени, – предупреждает Цезарь.

– Декарт говорил, что если бы человечество правильно определило значение некоторых понятий, то оно бы уберегло себя от доброй половины ошибок.

– Кто говорил? – ответственный уполномоченный услышал.

– Французский математик. Он умер в прошлом веке.

Прототип становится на крыло

Дерзость ширпотребщика выбивает генерального из колеи. Он подходит к окну снова смотрит на бюст Анатры. Анатра подмигивает ему. Директор смотрит на свою фотографию в генеральском мундире, будто прощается с ней, потом кладет ее изображением вниз и говорит:

– С нового года в рамках реформирования армии офицерский состав завода снимет погоны, и не исключено, что народохозяйственная продукция будет превалировать, хотя это и горько.

Директор задерживается у окна и замечает биплан, парящий над заводским аэродромом.

– Конфигурация плоскостей, как у бабочки! – замечает главный инженер. – Как будто позабыл садиться...

– Что? – рассеянно переспрашивает генеральный.

– Есть такие стихи, Цезарь... Трояныч.

– Он похож на не подростшего Ан-2.

– Почему совещание игнорирует начальник цеха легкомоторных аппаратов? – спохватывается генеральный. – Где майор Фарман?

– Фарман в воздухе.

– Как в воздухе?

– Испытывает копию-прототип аэроплана «Анатра-Анасалъ». Вы же сами подписывали техзадание.

– Понятно, мечта опережает план.

– Он уже не начальник цеха? – иронизирует шепотом на ухо соседа один из присутствующих.

Генеральный, услышав реплику-подначку, нервно щелкнул тумблером селектора.

– Борт «Анатра»? С кем говорю? Летчик-наблюдатель Работягова? Свяжите меня с Фарманом.

– А кто эта Гризодубова? – иронизируют с места.

– Работягова? Начальник ОТК.

Смертельный трюк без парашюта

Открытая кабина аэроплана, вой мотора, свист ветра в растяжках, кашель. На лицах пилота и летнаба, летчика-наблюдателя, шерстяные маски, как у киллеров. Маску пронзил коричневый нос Фармана, профилактически смазанный машинным маслом. Поверх маски-шапочки на вырезы для глаз надеты обыкновенные очки, дужки связаны резинкой. У летнаба в разрезе для рта ярко покрашенные губы.

– Вам что, Марат Соломонович, нужно персональное приглашение? – говорит генеральный сквозь шорох и треск эфира. – Прошу вас с объяснительной запиской... Что? Вовремя не успели приземлиться? Я думал, шасси не выпускаются.

– Они вообще конструктивно не убираются, товарищ генеральный. У меня другая загвоздка – рули высоты заело, не могу снизиться, – изо всех сил безуспешно тянет штурвал.

– Тогда немедленно покиньте самолет!

– Не могу-у!

– Я приказываю.

– Вместо парашюта мне пришлось взять запасной бак с горючим. Двигатель насморочно чихает.

– Кажется, Марат Соломонович, еще и масло застыло, – говорит летнаб Работягова Фарману. – Если рули не дождем, мотор сам заглохнет, бензин на нуле.

Работягова отважно лезет по фюзеляжу помогать Фарману. Тянут рули вдвоем. Тросы поддаются. Биплан, наконец, снижается. Самсон качает головой и говорит:

– Тросы у него заедает не в первый раз, потому что в точности скопировал сырой, да еще и халтурно выполненный серийный прототип «Анатра». И все это называется реплицированный самолет аматорной постройки – во как! И смех, и грех.

На столе у Самсона «Техническое задание на реплицированный самолет аматорной постройки». Самсон листает пожелтевшие копии вырезок из газет. «Даже копии пожелтели, – думает, – настолько долго идея тормозилась». Разглядывает вырезку в вензелях из газеты «Одесскія ведомости» за 1910 год.

ПРОБКА У ИППОДРОМА

«На одесском гипподроме во втором полете Фарман принял пассажирку. Целых пятнадцать минут, то есть более обычного, его сопровождала в полете госпожа Работягова, близко заинтересовавшаяся авиацией».

Вблизи ипподрома останавливается паровой трамвай, машинист загляделся на аэроплан. Сзади его торопит извозчик, телега-подвода не может проехать. В линейке сидят в кандалах на общей цепи, как на кукане, каторжники, возможно, направляющиеся из тюрьмы на сахалинский пароход. За ним клаксонят автомобили.

– Освободите мостовую! – требует шофер у извозчика фургона-балагулы.

– Сударь, разуйте глаза – движение стоит! – ставят его на место. – Я не против, если эта балагула полетит по воздуху и сделает эволюции, как дирижабль.

Кто-то сзади, сильно картавя:

– Ой, вэй, при чем здесь балагула? Что, транспорт должен ждать, пока вы будете бросать в воздух треухи?

– Если вы хотите увидеть все через свои глаза, это не значит, что другим не надо спешить!

– Аэроплан Фармана грациозно садится! – доносится с ипподрома зычный голос распорядителя.

Духовой оркестр исполняет попури из оперетт.

– Фармана? – взвизывает батюшка в тарантасе. – Рыбе дана вода, птице – воздух, человеку – земля. Только жиды да русские дураки летают на этих коробчатых змеях! Иувеналий, почему застряли? Трогай.

Извозчик вежливо тычет машиниста кнутом, и движение налаживается.

– Теперь вы сильно удовлетворены? – осаживает машинист нетерпеливых.

Крушения и катастрофы

У капонира топчется стайка энтузиастов воздухоплавания, зевак и безработных. По бетонке аэродрома метет поземка. С голубятни, прижившейся нелегально на заводской территории, взлетают свечой турманы. Окоченевшая блондинка-корреспондент без головного убора с заиндевевшими афрокосичками донимает доктора с погонами полковника:

– Крушения на этом аэродроме бывали? – с афрокосички срывает капля и расплывается на блокноте. Медик глядит на влажное пятно.

– Крушения бывают на железной дороге, – начмедчасти завода выгружает из автобуса походный сундук-чемодан с красным крестом, – а катастрофы и аварии – в авиации. Иногда в семье.

Биплан садится, лихо выруливает и останавливается возле снеговика. Под колеса ставят «башмаки». Механики густо облепили фюзеляж.

– Этот парень малость козлит! – реагируют.

– Заклепки не разболтились?

Из кабины вылезает Фарман. На нем расклеванный кожаный пиджак старого «ефимовского» покроя, краги и перчатки до локтей. Фармана бьет озноб. За ним протискивается Работягова в длинной кожаной юбке по моде начала прошлого века.

– Попробуем определить зону сваливания в штопор, когда медленная потеря скорости в посадочной конфигурации упадет до 60 километров в час, – Работягова дает вводную технику.

Корреспондентка цепенеет, но, справившись с собой, пробивается к Работяговой и спрашивает:

– Как дела?

– Пока не родила!

Проходят в цех. Фарман жадно ворошит техдокументацию.

Крупно чертеж:

«Копія съ копіи

Не подлежить оглашенію.

Печатано по распоряжению Управления Военно-Воздушного Флота.

Управляющий делами Технического Комитета Военный Инженер
Полковник Калиновский.

ОПИСАНИЕ

Каркас фюзеляжа состоит из фанерных колец, укрепленных на 4-х ясеневых и 4-х липовых ланжеронах...»

– Соломоныч, примите, чтоб не застыть, – Фарману наливают тормозной жидкости. Он замечает, что многие уже освежились.

– А дамам ликер шасси с малиновым вареньем, – механик споласкивает разовый стаканчик, наполняет его и ставит перед Работяговой. – С приземленьцем!

– Только в нашей кантри моют разовые стаканы, – замечает один из техников.

Хлюпающая носиком барышня с микрофоном пробилась к Фарману.

– Скажите, ведь профессия летчика обрамлена в поэтический флер...

– Само определение «летчик» появилось с легкой руки поэта Велимира Хлебникова значительно позже полетов пионеров авиации... С вашего разрешения я познакомлю с характеристиками машины. Она того стоит.

– Разумеется. Но пока можно немного о личном?

Фармана отзывают к самолету.

– Он не потомок пионера авиации? – насадет барышня на механика.

– Смотря какого. Если имеете в виду французского конструктора Генри Фарамана, то, увы, однофамилец, – разочаровывает ее техник. – Биография Соломоныча простая, как советская песня. Но он дальний родственник Льва Давидовича Троцкого.

– Невероятно! А лично у вас потрясения были?

– Только на них и работаем.

Механики ковыряются в моторе.

– Я поджал, – говорит один. – Пойдет?

– Пойдет, как брехня по Одессе!

Смеркается. Фармана разморило. Он устраивается в подсобке вплотную к армейскому электрообогревателю. Над тюфячком висит фотография женщины.